

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.74

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УЧЕНОГО: ФАКТОРЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ

А. М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
ablazhey63@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу факторов и закономерностей трансформации профессиональной идентичности ученых на примере современной российской науки. Анализ проведен на основе как вторичных, так и первичных социологических данных. В качестве первичных социологических данных использованы материалы количественных и качественных исследований, выполненных в научных центрах СО РАН в период с конца 1990 до конца 2010-х гг. Сделан вывод, что ведущим фактором трансформации профессиональной идентичности российских ученых явилось в первую очередь резкое изменение отношения к науке со стороны общества и государства. Налицо кризисное состояние этих отношений, что выразилось в резком падении экономического и социального статуса науки. Кроме того, усиливается тенденция ослабления когнитивной роли науки в культуре. Три постсоветских десятилетия показали, что наука, как правило, находила способы успешной адаптации к постоянно менявшейся ситуации, прежде всего смене курса государственной научной политики.

Ключевые слова: наука, российское научное сообщество, трансформация, профессиональная идентичность, адаптация.

Для цитирования: Аблажей, А. М. (2021). Профессиональная идентичность ученого: факторы и закономерности трансформации. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 3. С. 61-72. DOI: 10.47850/RL.2021.2.3.61-72

SCIENTIST'S PROFESSIONAL IDENTITY: FACTORS AND PATTERNS OF TRANSFORMATION

A. M. Ablazhey

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
ablazhey63@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of factors and patterns of transformation the professional identity of scientists on the example of modern Russian science. The analysis was carried out on the basis of both secondary and primary sociological data. As the primary sociological data were used the materials of quantitative and qualitative research carried out in scientific centers of the SB RAS in the period from the end of the 1990s to the end of the 2010s. It is concluded that the leading factor for the transformation of the professional identity of Russian scientists was, first of all, a sharp change in the attitude towards science on the part of society and the state. We can say about the crisis in these relations is evident, which was reflected in a sharp drop of economic and social status of science. In addition, we are also talking about the weakening of the science's cognitive role in culture. Three post-Soviet decades have shown that science, as a rule, found ways to successfully adapt to a constantly changing situation, primarily a change in the course of state scientific policy.

Keywords: science, the Russian scientific community, transformation, professional identity, adaptation.

For citation: Ablazhey, A.M. (2021). Scientist's Professional Identity: Factors and Patterns of Transformation. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no. 3. pp. 61-72. DOI: 10.47850/RL.2021.2.3.61-72

Сегодня уже не подлежит сомнению тот факт, что наука – и как социальный институт, и как профессиональное сообщество – радикально изменилась в течение последних десятилетий. Это касается, прежде всего, характера ее связи с социальными, политическими, культурными, но в первую очередь экономическими факторами, все более и более тесной встроенности в рыночные отношения, резкого усиления зависимости от принятых внешними агентами решений. Все это характерно как для мировой науки в целом, так и российской, как ее органической и неотъемлемой части, в частности. Более того, в случае с российской наукой, учитывая известный откат рыночных начал в экономике, наиболее актуальной проблемой становится резкое усиление бюрократического вмешательства в систему производства научного знания, что влечет за собой отход от содержательной оценки полученных результатов, торжество формального подхода. Мы согласны с Е. В. Семеновым в том, что «сам бюрократический способ использования показателей в качестве инструмента управления наукой, ложно понимаемая роль показателей в управленческой практике, качество выбранных показателей и подмена ими содержательных целей приносят огромный вред науке» [Семенов, 2021, с. 20]. Учитывая подобную эволюцию, следует предположить, что серьезным изменениям подверглась и профессиональная идентичность исследователей как членов национального (в данном случае – российского) научного сообщества. Именно о том, как изменились взгляды самих ученых на место науки в социальной структуре современного российского общества, на науку как профессию, на свое место в системе научной деятельности, мы и хотим порассуждать в данном тексте. [Среди последних работ, посвященных данной проблеме, назовем только несколько: Душина и др., 2019; Конашев, Федорова, 2021; Плюснин, Аблажей, 2019, и др.].

В середине сентября 2014 г. в Санкт-Петербурге на конференции держателей мегагрантов тогдашний руководитель профильного министерства образования и науки Российской Федерации Д. Ливанов публично поддержал совместное предложение Министерства труда и ФАНО об отмене для научных работников и вузовских преподавателей выплат за наличие ученой степени (3 и 7 тыс. руб. соответственно). Объясняя мотивы такого решения, министр подчеркнул, что величина доходов не должна являться главным критерием при выборе науки в качестве профессии. Согласно словам министра, если говорить о карьерных мотивах, то «для молодого человека, который приходит в науку и выбирает научную деятельность в качестве своей будущей работы, вопрос об оплате труда важен, но не является основным и ключевым. Самое важное – это интерес, самое важное себя реализовать». Министр также сослался на свой собственный опыт, подчеркнув, что его выбор был сделан по призванию [Ливанов, 2014].

По нашему мнению, подобные высказывания, несмотря на свою внешнюю, пусть и немного напыщенную, привлекательность, являются свидетельством глубокого кризиса во взаимоотношениях науки и государства, науки и общества. В условиях, когда ни государство, ни общество, в лице, прежде всего, своих экономических агентов, не могут предложить науке весомые подтверждения действительной заинтересованности в ее существовании

как профессии и авторитетного социального института, им остается только прибегать к таким сомнительным доводам. Это тем более актуально в условиях, когда существенная часть научного сообщества еще слишком хорошо помнит, какую значимую роль играла наука в советском обществе и насколько она важна с точки зрения современных перспектив развития страны. Именно, исходя из этого посыла, чрезвычайно важно, с точки зрения экспертов, выстроить адекватную целям и задачам развития страны научно-техническую политику, что немислимо без активной роли самого научного сообщества, которое в последние годы выступало лишь объектом, а не активным участником процесса реформирования национального института науки. [Более подробно о путях и направлениях формирования адекватной текущим задачам развития страны научно-технической политики см.: Семенов, 2021].

Утверждения, аналогичные приведенным выше, есть также не что иное как порождение вполне определенной мифологии, отражающей романтическое представление о характере труда ученого и его взаимоотношениях с окружающей действительностью. В первой статье коллективной монографии «Социальная динамика современной науки», посвященной фигуре исследователя, Е. З. Мирская отмечает, что сложившаяся в науке «классическая» модель ученого построена на том, что он – «непреренно творец, а его деятельность – научное творчество. Высшие ценности – Истина и Творчество, основной мотив – постижение истины и стремление быть творцом, социальная ориентация – Истина, несмотря ни на что и, быть может, даже вопреки всему». Подчеркнем важнейший момент: по мнению автора, подобный образ «ученого-творца», воспринимающего науку, прежде всего, как творческий процесс, никак не связан с «функционированием науки как социального института», и сложился он «в значительной мере ... за счет научной мифологии» [Мирская, 1995, с. 27]. Тем не менее, в том же тексте Е. З. Мирская утверждает, что «для успехов в науке человеку необходимо чувствовать себя ученым, обладать самосознанием ученого, т. е. в определенной мере относить к себе тот образец, который содержится в традиционной [классической] модели ... Традиционная ориентация играет роль своеобразного “охранного механизма”: в том многообразии ролей, которые приходится играть современному работнику науки, она сохраняет его как ученого... Трансляция традиционной модели ученого и его деятельности в процессе социального образования является одним из способов (возможно – основным) приобщения новых поколений, вступающих в науку, к традициям и кодексу научного сообщества» [Мирская, 1995, с. 27].

Другими словами, элементы мифологичности, известной романтичности, т. е. возвышенного представления о будущей профессии и своей роли в обществе, традиционно присущи науке еще со времен Ф. Бэкона и основания «Королевского общества». Другое дело, что непреренным атрибутом традиционной модели является автономия науки, внутренняя независимость, защищенность, обеспечение которой как раз и является главной задачей государства и общества. Наука в обмен на эту защищенность готова была идти на уступки, в том числе в идеологической сфере, пока они не касались содержания самого научного поиска. Авторы капитального труда, посвященного кризисам в истории науки, четко фиксируют этот момент: «Ученые, убеждавшие власти поддерживать науку, должны были вести диалог с ними на понятном для них языке, с использованием понятных им идеологием, демонстрируя преданность “идеологически корректной” науке. Научное сообщество в целом

было готово принимать любую идеологическую риторику, быть «идеологически корректным» и служить власти, требуя от нее взамен финансово-материальные ресурсы и невмешательство в саму науку. Ученые были подвержены идеологическим влияниям, но в своей научной практике они следовали стандартам мировой науки» [Наука и кризисы, 2003, с. 9].

В последние десятилетия, однако, как традиционная модель, так и образ ученого, радикально изменились. Согласно определению Э. Мирского, «ученый – это человек, получивший специальное образование и профессионально занимающийся научной или научно-педагогической деятельностью и имеющий благодаря этому постоянный легальный источник дохода и соответствующий социальный статус». В последнее время, на фоне резкого усиления роли науки в экономическом развитии и формирования единого научно-технологического комплекса, происходит усложнение описанной выше традиционной модели, возникновение, наряду с классическим образом ученого, дополнительных квалификаций. Э. Мирский здесь ссылается на официальные международные документы – ЮНЕСКО, Европейского союза (см., например, «Хартию европейского исследователя»), в которых определение «ученый» все больше вытесняется термином «исследователь». Последний определяется как «профессионал, занятый постижением или созданием нового знания, продуктов, процессов, методов и систем, а также управлением такого рода проектами» [Мирский, 2014].

Наиболее резкие изменения оказались характерны для представителей социальных и гуманитарных наук (к которым, следует признать, ученые, причисляемые к классическому естествознанию, относились и относятся с изрядной долей скепсиса). В 2000 г. на страницах журнала «Pro et Contra» проходила крайне интересная и плодотворная дискуссия о трансформации методологических и методических основ отечественной социальной мысли под влиянием западных концепций. Дискуссию открывала статья А. Богатурова, который так описывал фигуру современного гуманитария: на треть – это научный сотрудник, еще на треть – вузовский преподаватель, наконец, оставшаяся треть – это аналитик, политический журналист, специалист в области связей с общественностью (PR), эксперт-консультант при депутате, вице-губернаторе или благотворительном фонде [Богатуров, 2000, с. 195]. Таким образом, на смену устоявшимся формам самоидентификации пришло понимание того, что портрет стандартного ученого (исследователя), по крайней мере, это верно в отношении представителей гуманитарных и социальных наук, сегодня много сложнее, чем несколько десятилетий назад.

В 1999 г. первый номер журнала «Науковедение» открывался статьей Ю. М. Плюснина о «лишних людях» в науке, в которой автор на материалах массового экспертного опроса научных сотрудников институтов Новосибирского научного центра, проведенного в 1996 г., констатировал стратификацию прежде относительно монолитного российского (советского) научного сообщества на «своих» и «лишних». Линией разделения в данном случае стали глубина планирования респондентами своей профессиональной деятельности («лишние люди», как правило, либо вообще ее не планировали, либо делали это на крайне малый срок), а также факторы сохранения учеными верности науке. «Лишние» в подавляющем большинстве случаев отмечали невозможность найти лучшее место, ожидание скорого выхода на пенсию и пр., тогда как «свои» – надежду на лучшее, приверженность профессии ученого,

несмотря ни на что, и т.д. Согласно выводам автора, «лишние» люди в науке, как правило, консервативны, ориентированы на привычные и однозначно определенные структурные связи; они плохо и долго адаптируются к новым условиям, стабильность внешних условий требуется им как важнейшее условие внутренней стабильности; наука для них, прежде всего, работа, но отнюдь *не романтическое увлечение* (курсив наш – Авт.); им свойственны ожидание и требование стабильности и неизменности, защищенности и патронажа, беспокойство о стабильности Института и всего Отделения, вытекающая отсюда склонность доверять руководству и поддерживать его, предпочитая искать виноватого скорее на стороне, чем в своей собственной среде. [Плюснин, 1999, с. 17-19]. Другими словами, «лишние люди» склонны ориентироваться на привычные, устоявшиеся формы организации научной деятельности, понимание науки как призвания, а формы и механизмы признания в рамках, прежде всего, профессионального сообщества, для них скорее чужды. Между тем именно этот момент оказывается чрезвычайно важным: в условиях кризисных отношений с внешней средой ученый ищет поддержки среди людей своего круга. Как пишет Е. Володарская, «механизм творческой самореализации является защитным для респондентов в условиях отрицательного отношения общества к науке ... Ориентация на субъективный успех, на признание коллегами выступает когнитивной стратегией поддержания положительной самооценки и, как следствие, продолжения ориентации на свою прежнюю профессиональную группу, в качестве которой выступает научное сообщество» [Володарская, 2005, с. 198].

Аналогичной позиции придерживаются также А. Юревич и И. Цапенко, согласно мнению которых прежде единое российское научное сообщество существенным образом изменилось и «переживает новое, происходящее по нетрадиционным признакам и очень интенсивное расслоение, охватывающее уровень доходов, способы и результаты адаптации к отечественному варианту рыночной экономики, психологическое состояние, идейно-политические ориентации и т. п. В результате от нашей некогда монолитной массы научных сотрудников остались лишь соответствующие термины: “научный персонал”, “научные кадры”» [Юревич, Цапенко, 2010, с. 62]. Если для нормальной науки (в терминологии Т. Куна) характерны систематизации, разработанные с опорой в основном на логику исследовательского процесса, то «для “ненормальной” или “турбулентной” науки более адекватны систематизации, опирающиеся преимущественно на *социальные* (выделено нами – Авт.) факторы» [Юревич, Цапенко, 2010, с. 68].

В условиях усиления формального подхода неизбежно возникают разного рода коллизии, деформация, как правило, негативная, представлений о сути и содержании профессии ученого, что крайне актуально с точки зрения кадрового воспроизводства сообщества. Иркутский (впоследствии – санкт-петербургский) социолог К. Титаев провел в первой половине 2000-х гг. исследование, посвященное специфике «провинциальной науки» и фигуре псевдоученого в области социальных и гуманитарных наук. Такого «ученого», по его мнению, отличают склонность к имитации научной деятельности, методологическая и методическая автаркия, незнание и, более того, нежелание знать, что происходит в «центральной» науке, искаженное представление о том, что такое исследовательская

деятельность и кто вообще имеет право называть себя ученым [Титаев, 2007]. В том же ряду стоит описанный В. Радаевым феномен «местечкового ученого», который не знает, да и не желает знать, что происходит за пределами его замкнутого интеллектуального мирка [Радаев, 2000].

Проведенные нами в 2000-х гг. исследования в региональных научно-образовательных центрах Сибири (Кызыл, Абакан, Горно-Алтайск) позволили прийти к выводу об устойчивой кризисной динамике профессиональной идентичности членов провинциальных научных сообществ. В частности, была зафиксирована отрицательная динамика отношения к науке и ученым, преподавателям вуза, к образованным людям вообще со стороны местных городских сообществ. Так, по мнению одного из наших респондентов, «раньше мы были белая кость, уважаемые люди ..., а сейчас я просто по глазам своих студентов вижу – мы на обочине дороги». Другой наш собеседник, соглашаясь с подобной оценкой, тем не менее, настаивал на том, что уважение к образованным людям продолжает сохраняться у сельских жителей: «Ученые – это была Интеллигенция с большой буквы, к ним ... относились с большим пиететом, и, в общем-то, это до сих пор сохранилось, по крайней мере, за пределами Кызыла, там кандидат наук, ученый, преподаватель университета – это действительно большой человек ...». Другими словами, на местном уровне сформировалось устойчивое представление о том, что человек, получивший высшее образование, может сделать в наши дни гораздо более привлекательную карьеру, чем стать ученым или преподавателем вуза [Аблажей, 2004, с. 253].

Обращает на себя внимание своеобразная обида на местную власть в силу невнимания к нуждам людей науки, непонимания возможностей науки, игнорирования ее потенциала, который, по мнению самих респондентов, необходимо использовать: «В сравнении с советским периодом – [тогда] статус науки был выше ... Мы контактировали с обкомом партии, и они как раз признавали знания, я чувствовала, что мое мнение интересно. Сейчас это никому не интересно вообще ... К нам власть никакого интереса не проявляет, это абсолютно точно». Напомним, что такого же рода претензии очень часто можно услышать от членов Российской академии наук, неоднократно отмечавших явно недостаточный уровень, если не игнорирование, использования властью экспертного потенциала РАН.

Эмоциональный накал такого рода оценок в целом понятен. Если еще три десятилетия назад ученые занимали верхние строчки в социальной иерархии, то резкий откат на позицию аутсайдера не мог не вызвать кризиса самоидентификации. В этой связи стоит вспомнить схожую эволюцию, которую претерпела академическая элита Германии в XIX–XX вв. Ф. Рингер пишет: «В демократических и высокоиндустриальных обществах ученая степень или должность в университете конкурирует с другими мерилami общественной ценности и достоинства, самые важные из которых – политические и экономические. В Германии до 1890 года, напротив, академические ценности несли на себе печать официального и общественного признания. Далекий от предпринимательства высший класс, просвещенная аристократия мандаринов, стал *действительно правящим классом* (выделено нами – Авт.) нации. Университетские профессора, мандарины-интеллектуалы, говорили от имени этой явной элиты и были выразителями ее ценностей. Они неизменно занимали чрезвычайно важное место в жизни страны, пока высшее образование оставалось существенным фактором социальной стратификации Германии» [Рингер, 2008, с. 50]. Обратившись к отечественным

реалиям, можно сделать парадоксальный вывод – в нашей стране, несмотря на то, что высшее образование также является важнейшим фактором социальной стратификации, просвещенный класс отнюдь не занимает аналогичных позиций.

Положение не спасают даже те люди из властных органов, которые сами прошли через аспирантуру и защитили диссертации. По мнению одного из респондентов, связано это с тем, что «просто по пальцам можно перечесать тех, кто понимает, что такое наука, т. е. они сами прошли вот это все, не получили готовое». Следует предположить, что в регионах наука (или то, что понимается под наукой) зачастую рассматривается лишь в качестве средства ускорения карьерного роста в области государственного управления. Естественно, что в таком случае вовсе не ставится задача передачи и усвоения традиционных для научного сообщества профессиональных ценностей. Налицо также феномен «бедной, но гордой науки»: «если говорить о настоящей науке, то по сути это бессеребренничество и полная отдача. Тогда только можно говорить, что этот человек ученый». Возможно, здесь присутствует весомая доля самооправдания – «настоящий ученый – всегда бедный ученый»¹.

Как показали исследования И. Дежиной [Дежина, 2003], Е. Гвоздевой и Е. Высоцкого, деформации идентичности ярко проявляются в момент одного из пиков профессионального становления, а именно – защиты кандидатской диссертации. Убедительно доказано, что молодое поколение сложнее *удержать* в науке, чем привлечь в нее. Причина заключается в первую очередь в резком диссонансе профессионального (кандидат наук) и социального (небольшая зарплата, слабый административный уровень) статусов человека. Для российской науки типичной стала фигура молодого кандидата наук, занимающего временную ставку, не имеющего собственного жилья и особых перспектив на его приобретение. Материалы проведенных в начале 2000-х гг. опросов молодых научных сотрудников и аспирантов НИИ Новосибирского научного центра, студентов выпускных курсов базового для Сибирского отделения РАН Новосибирского государственного университета позволили сделать вывод о том, что «более половины аспирантов и студентов-дипломников считают, что у них есть более подходящие перспективы, чем остаться работать в НИИ ... чтобы они стремились работать в науке, актуально удовлетворять потребности более высокого порядка – такие как расширение возможностей выбора приемлемого образа жизни, использование достижений цивилизации, признание обществом» [Гвоздева, Высоцкий, 2004, с. 10].

Тезис о многообразии ролей в современной науке, динамике изменения критериев успеха можно проиллюстрировать на примере аспирантов академических институтов. Результаты наших исследований (проводились в Новосибирском научном центре, включая НГУ, в 2005–2006 и 2018 гг.), показали, что учащиеся академической аспирантуры делятся на три основных типа (в ходе первого этапа, 2005–2006 гг., было опрошено около 250 аспирантов всех специальностей по пропорциональной выборке; в ходе второй волны 2018 г., было опрошено около 100 аспирантов, в выборку попали в основном представители геологических и биологических специальностей).

¹ Очень характерно в этом отношении название книги А. Юревича, вышедшей в 1999 г. – «Умные, но бедные. Ученые в современной России».

Аспиранты, выбравшие научную карьеру в академическом институте, составили самую большую группу – около 40 % всех респондентов. Для них характерно соединение как традиционных критериев профессионального успеха в науке, так и относительно новых: защита кандидатской и докторской диссертаций; авторитет среди российских и зарубежных коллег; высокий размер доходов за счет занятия наукой. Продолжают сохранять значение также свобода научного творчества, возможность заниматься теми проблемами, которые интересны, прежде всего, самому себе, невзирая на конъюнктуру и финансовые соображения. Сошлемся также на мнение заместителя директора одного из физических институтов ННЦ, который отмечал: «Несмотря на изменившиеся условия существования науки (самим заботиться о поиске денег на исследования, проблемы с жильем и т. д.), сугубо научные ценности – поиск, исследования, признание научным сообществом – по-прежнему остаются на первом месте и для молодого поколения ученых. Другое дело, что наряду с решением сугубо научных задач они вынуждены решать и чисто материальные проблемы».

Почти такую же долю составляют аспиранты, планирующие продолжить свою карьеру в бизнесе, связанном со сферой науки и высоких технологий (36 % участников опроса). Здесь лидирующие позиции, как и следовало ожидать, занимает такой критерий профессионального успеха, как высокие доходы. Следующая по важности позиция: свобода творчества. Гораздо менее значим удельный вес таких факторов, как защита диссертации и авторитет среди российских и зарубежных коллег.

Наконец, аспиранты, планирующие продолжить свою карьеру в негосударственном научном центре, составившие порядка 12 % участников опроса. Для респондентов этого типа характерно резкое падение значимости факта защиты диссертации; на первом плане оказались свобода научного творчества и высокие доходы за счет занятий наукой. В известном смысле перед нами ученые новой формации, для которых важны в первую очередь рыночные критерии жизненного и профессионального успеха.

Таким образом, большая часть опрошенных нами аспирантов институтов Сибирского отделения РАН по-прежнему утвердительно отвечает на вопрос о том, является ли научная деятельность их призванием, причем на временном отрезке с 2006 по 2018 гг. их стало даже немного больше. Тот факт, что в качестве будущего места работы человек выбирает не академический институт или вузовскую кафедру, а научное подразделение коммерческой компании, не дает оснований отказывать ему в праве считать себя профессиональным исследователем. Экспертный опрос, проведенный в конце 2000-х гг. в ряде институтов ННЦ естественнонаучного профиля, позволил выявить крайне симптоматичную тенденцию – на фоне вынужденной консервации кадровой структуры институтов начинает меняться и образ успешной научной карьеры в глазах молодого поколения ученых. Если еще недавно занятие административной должности (заведующий лабораторией, ученый секретарь, заместитель директора) традиционно считалось весомым карьерным успехом, то сегодня не менее, а, зачастую, более важным его критерием для молодых становится обеспечение условий, прежде всего финансовых, для реализации собственного *научного* проекта, наличие публикаций в ведущих рецензируемых журналах, опыт участия в крупных конференциях, прежде всего международных. И это в очередной раз позволяет утверждать, что для молодежи характерным становится более индивидуальный стиль научной работы, особую ценность

приобретает персональный профессиональный капитал. Известный поворот в сторону административного вектора карьеры у молодого и среднего поколения отечественных ученых случился лишь после начала радикальной реформы академического сектора науки 2013 г. Как показывает опыт прошедших восьми лет, введение возрастного ценза для директоров институтов и последовавшее за этим массовое омоложение директорского корпуса академических институтов, имели очень неоднозначные последствия, которые нуждаются в тщательном изучении.

В целом, следует сделать вывод, что ведущим фактором трансформации профессиональной идентичности российских ученых явилось, в первую очередь, резкое изменение отношения к науке со стороны общества и государства. По сути, можно говорить о кризисе в этих отношениях, выразившемся в резком падении экономического и социального статуса науки, который сопровождался также и ослаблением ее когнитивной роли в культуре (А. Огурцов в одном из своих интервью утверждал, что «наука уходит из центра культуры»). Три постсоветских десятилетия показали, что наука, как правило, находила способы успешной адаптации к постоянно менявшейся ситуации, прежде всего к смене курса государственной научной политики. Следствием такой адаптации стала серьезная трансформация самого научного сообщества, прежде достаточно однородного.

Список литературы / References

Аблажей, А. М. (2004). Положение науки и ученого в национальных республиках Сибири (в оценках членов научных сообществ Тувы и Хакасии). *Национально-культурная политика в Сибири в XX веке*. Новосибирск. С.247-269.

Ablazhey, A. M. (2004). The status of Science and Scientist in the National Republics of Siberia (In the Opinions of Tuva and Chakasia Scientific Communities Persons). In *National and Cultural Policy in Siberia in the XX Century*. Novosibirsk. pp. 247-269. (In Russ.)

Богатуров, А. Д. (2000). Десять лет парадигмы освоения. *Pro et Contra*. 2000. Т. 5. № 1. С. 195-201.

Bogaturov, A. D. (2000). Ten Years of the Learning Paradigm. *Pro et Contra*. 2000. Vol. 5. no. 1. pp. 195-201. (In Russ.)

Володарская, Е. А. (2005). Профессиональная идентичность ученого и имидж науки в обществе. *Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки*. М. С. 187-201.

Volodarskaya, E. A. (2005). Professional Identity of a Scientist and the Image of Science in Society. In *Science of Science and New Trends in the Development of Russian Science*. Moscow. pp. 187-201. (In Russ.)

Гвоздева, Е., Высоцкий, Е. (2004). *Сегодняшний день будущего российской науки*. Новосибирск.

Gvozdeva, E., Vysotskii, E. (2004). *Today's of the Russian Science's Future*. Novosibirsk. (In Russ.)

Дежина, И. Г. (2003). Молодежь в науке. *Социологический журнал*. № 1. С. 71-87.

Dezhina, I. G. (2003). Youth in Science. *Sociological Journal*. no. 1. pp. 71-87. (In Russ.)

Душина, С. А., Камнева, А. В., Куприянов, В. А., Шиповалова, Л. В. (2019). Научное лидерство в контексте академического капитализма (российская перспектива). *Социология науки и технологий*. Т. 10. № 4. С. 50-76.

Dushina, S. A., Kamneva, A. V., Kuprianov, V.A., Shipovalova, L. V. (2019). Scientific Leadership in the Context of Academic Capitalism (Russian Perspective). *Sociology of Science and Technology*. Vol. 10. no. 4. pp. 50-76. (In Russ.)

Конашев, М. Б., Федорова, А. А. (2021). Академическая наука в контексте последней реформы РАН. *Социология науки и технологий*. Т. 12. № 1. С. 136-155.

Konashiev, M. B., Fedorova, A. A. (2021). The Impact of the Recent RAS Reform on Academic Science in Russia. *Sociology of Science and Technology*. Vol. 12. no.1. pp. 136-155. (In Russ.)

Ливанов, Д. (2014). Д. Ливанов напомнил о бескорыстном характере научной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2014/09/17/livanov2/> (дата обращения: 14.08.2021).

Livanov, D. (2014). D. Livanov Recalled the Disinterested Nature of Scientific Activity. [Online]. Available at: <http://lenta.ru/news/2014/09/17/livanov2/> (Accessed: 14 August 2021). (In Russ.)

Мирская, Е. З. (1995). Человек в науке. *Социальная динамика современной науки*. М. С. 21-38.

Mirskaya, E. Z. (1995). Man in Science. In *Social Dynamics of Modern Science*. Moscow. pp. 21-38. (In Russ.)

Мирский, Э. М. (2014). Ученый. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. [Электронный ресурс]. URL: http://epistemology_of_science.academic.ru/847 (дата обращения: 14.08.2021).

Mirskii, A. M. (2014). Scientist. *Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science*. [Online]. Available at: http://epistemology_of_science.academic.ru/847 (Accessed: 14 August 2021). (In Russ.)

Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. (2003). СПб.

Science and Crises. Historical and Comparative Essays. (2003). St. Petersburg. (In Russ.)

Плюснин, Ю. М. (1999). «Лишние люди» в науке. Опыт социально-психологического расследования. *Науковедение*. № 1(1). С. 1-19.

Plusnin, Y. M. (1999). “Extra People” in Science. Experience of Socio-psychological Investigation. *Science of Science*. no. 1. pp. 1-19. (In Russ.)

Плюснин, Ю. М., Аблажей, А. М. (2019). Государственная научная политика глазами «рядового ученого». Ситуативные стратегии поведения ученых в ответ на волны реформирования российской науки. *Управление наукой: теория и практика*. Т. 1. № 2. С. 38- 57.

Plusnin, Y. M., Ablazhey, A. M. (2019). Scientific State Policy Through the Eyes of an «Ordinary Scientist». Scientists’ Situational Strategies in Response to the Science Reforming Waves in Russia. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 1. no. 2. pp. 38-57. (In Russ.)

Радаев, В. В. (2000). Есть ли шанс создать российскую национальную теорию в социальных науках? *Pro et Contra*. Т. 5. № 3. С. 202-214.

Radaev, V. V. (2000). Is There a Chance to Create a Russian National Theory in the Social Sciences? *Pro et Contra*. Vol. 5. no. 3. pp. 202-214. (In Russ.)

Рингер, Ф. (2008). *Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933*. М.

Ringer, F. (2008). *The Decline of the German Mandarins. The German Academic Community, 1890–1933*. Moscow. (In Russ.)

Семенов, Е. В. (2021). О необходимости переориентации научно-технологической политики с производства показателей на решение реальных проблем. *Идеи и идеалы*. Т. 13. № 2. Ч. 1. С. 11-32. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13-2.1-11-32

Semenov, E. V. (2021). On the Necessity to Reorient Scientific and Technological Policy from the Production of Indicators to Solving Actual Problems. *Ideas and Ideals*. Vol. 13. no. 2. pt. 1. pp. 11-32. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13-2.1-11-32 (In Russ.)

Титаев, К. (2007). *Между астрологом и поэтом: рождение и воспроизводство провинциальной науки. (Рукопись)*. Иркутск–Улан-Удэ.

Titaev, K. (2007). *Between an Astrologer and a Poet: the Birth and Reproduction of Provincial Science. (Manuscript)*. Irkutsk–Ulan-Ude. (In Russ.)

Юревич, А. В., Цапенко, И. П. (2010). *Наука в современном российском обществе*. М.

Yurevich, A. V., Tscapenko, I. P. (2010). *Science in Modern Russian Society*. Moscow. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Аблажей Анатолий Михайлович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: ablazhey63@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-3693-8845>

Статья поступила в редакцию: 10.08.2021

После доработки: 20.08.2021

Принята к публикации: 10.09.2021

Ablazhey Anatoly – Candidate of Philosophical Sciences, Leading Research Officer of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva str., 8, e-mail: ablazhey63@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-3693-8845>

The paper was submitted: 10.08.2021

Received after reworking: 20.08.2021

Accepted for publication: 10.09.2021